

Глава 43

Даже во сне Бай Цзыму был необыкновенно хорош. У него был высокий нос с изящными, точёными крыльями, особенно красивый в профиль.

Маленькие дети из старшей ветви семьи были поражены:

— Ух ты, Сяосань, твой третий гэфу такой красивый!

— Сяосань не соврал, у гэфу и правда два глаза и две ноздри.

Бай Цзыму проснулся как раз в тот момент, чтобы услышать это, и на мгновение лишился дара речи.

«У любого человека два глаза и две ноздри, ясно? В семье Цзян не только Цзян Сяосань глуп, они все там такие».

Он перевернулся на другой бок и продолжил «спать». Его даньтянь был разрушен, тело оставалось слабым. Он думал отлежаться несколько дней, чтобы восстановиться и избежать осложнений, но уже на следующий день Бай Цзыму не смог больше лежать.

Госпожа Цянь из соседнего дома, чёрт бы её побрал, назвала его хлюпиком и ничтожеством, да ещё и причитала, что Цзян Сяои совсем с ума сошёл, раз взял себе такого приходящего зятя, и что теперь семье Цзян точно конец.

— Я-то думала, в этой семье только у Цзян Сяосаня с головой не в порядке, а теперь вижу, что и Цзян Сяои не лучше. Эх, невестка, скажи на милость, за что же дяде Цзяну такое несчастье? Трёх детей родил, и ни одного путного.

Бай Цзыму тут же вспыхнул от гнева. Он развернулся, вошёл на кухню, схватил половину гнилой дыни, оставшейся от рубки, подошёл к стене двора и швырнул её в госпожу Цянь.

Госпожа Цянь сидела во дворе со своей невесткой, они шили и сплетничали. Гнилая дыня угодила ей прямо в плечо, и вонючая жижа залила всю одежду. Запах стоял ужасный. Даже невестка Цянь не выдержала вони — гнилая дыня пахла хуже, чем отхожее место.

— Ай-яй-яй, какой душегуб посмел в меня кинуть! — завопила госпожа Цянь.

Дядя Цянь и Хуцзы, услышав крик, выбежали из дома.

— Это я, твой дедушка, кинул, — мрачно и холодно произнёс Бай Цзыму.

Он был очень высок, и сейчас, глядя на неё сверху вниз через плетень, его поза казалась не просто внушительной, но и откровенно высокомерной. Госпожа Цянь тут же умолкла. Дядя Цянь и остальные, увидев это, поняли, что госпожа Цянь опять сплетничала, и её подслушали.

Дядя Цянь смутился. Его невестка обожала перемывать косточки, и никакие уговоры на неё не действовали. Её рот просто не мог быть без дела, словно если она не скажет о ком-нибудь гадость, у неё всё начнёт чесаться и станет невмоготу.

— Прости, парень, — виновато сказал дядя Цянь.

Бай Цзыму посмотрел на него. Он знал, что дядя Цянь часто помогал семье Цзян. Его взгляд снова упал на госпожу Цянь, и он равнодушно произнёс:

— Ты ещё что за тварь такая, чтобы оскорблять моего Сяои? Говоришь, я ничтожество? Никто и никогда не смел так со мной разговаривать. Сегодня, из уважения к дяде Цяню, я не буду с тобой связываться. Но если это повторится, я устрою тебе встречу с призраками.

Он говорил спокойно, но семью Цянь пробрала дрожь. Когда Бай Цзыму ушёл в дом, старик Цянь указал на госпожу Цянь и сердито сказал:

— Ах ты, ты! Ладно бы на улице болтала, так нет же, и дома такая же! Этот гэфу, которого взял Сяои, мне кажется, не из тех, с кем стоит связываться. Смотри, не навлеки беду на дом.

Госпожа Цянь, хоть и испугалась и даже побледнела, всё же упрямо ответила:

— А что в нём такого? Всего лишь приходящий зять. Сразу видно, что ни на что не способен, даже одежду донашивает за дядей Цзяном.

Старик Цянь уставился на неё.

— Ты ещё и споришь, недалёкая ты женщина! Хуцзы, приструни свою жену, она совсем распоясалась.

— Что это я распоясалась? Теперь вы меня все ненавидите? Меня обидели, а вы за меня даже слова не сказали, всё за чужих заступаетесь. Разве так поступают свёкор со свекровью? — запричитала госпожа Цянь.

Неожиданно она осмелилась ему перечить, и старик Цянь тоже разозлился:

— Да, ненавидим! Если бы я знал, что ты такая, я бы лучше позволил нашему Хуцзы всю жизнь холостяком прожить, чем женить его на такой ведьме!

— Ведьме? Тьфу! Вы, Цяни, что, издеваетесь, да? Хуцзы, ты почему молчишь? Так и будешь смотреть, как меня обижают? Ты вообще мужчина или нет?

Соседи, кажется, начали ссориться. Бай Цзыму не стал вслушиваться, вернулся в дом и немного отдохнул. Увидев, что двое малышей вернулись с овощами, он снова пошёл на кухню.

Днём вернулся Цзян Сяои, и Бай Цзыму спросил его, пойдёт ли он сегодня рубить дрова. Цзян Сяои ответил, что нет. По дороге домой он встретил жену старшего дяди, и та сказала, что на их участке на склоне Южной горы трава уже выше соевых ростков. Ему нужно пойти прополоть, иначе урожай пропадёт.

Бай Цзыму нахмурился:

— После обеда я пойду с тобой.

Цзян Сяои, нахмурившись, не согласился:

— Твоё тело ещё не восстановилось. Я могу пойти один.

— Нет, — сказал Бай Цзыму. — Если я не выйду прогуляться, все будут говорить, что я ничтожество.

— А ты выдержишь? — обеспокоенно спросил Цзян Сяои. — В деревне так всегда, любят поболтать. Не обращай внимания, тело — самое главное.

На самом деле Бай Цзыму немного ленился. То, что он в последние дни готовил еду и ждал возвращения Цзян Сяои и его отца, было лишь потому, что он хотел помочь Цзян Сяои и заставлял себя это делать. Работать в поле ему совсем не хотелось, он никогда этого не делал. Но его гордость была важнее.

— Ничего, думаю, я справлюсь, — наверное!

И вот после обеда он, взвалив на плечо мотыгу, вышел из дома вместе с Цзян Сяои.

Жители деревни, услышав это, бросили свои дела. Те, кто уже был в поле и полыл сорняки, побросали мотыги и побежали в сторону Южной горы...

Тот самый гэфу, которого взял Цзян Сяои, наконец-то вышел из дома.

Что?

Ещё и с мотыгой на плече.

Что? Не может быть! Разве не говорили, что он лентяй?

Ах, какой же он красивый, этот парень!

Это было что-то невероятное.

Даже женщины, занимавшиеся домашними делами, высыпали из домов. Бай Цзыму шёл, словно звезда по красной дорожке, а по обеим сторонам дороги толпились поклонники, наперебой пытаясь разглядеть его истинное лицо.

По ровной местности и под гору идти было легко, но подъём в гору — это сущий ад.

Уже близилась середина сентября, а солнце всё ещё палило нещадно. Стоя на улице, невозможно было открыть глаза. Участок семьи Цзян находился на склоне горы, и нужно было карабкаться вверх. Не пройдя и половины пути, Бай Цзыму почувствовал, что силы его покидают. Рубашка на спине промокла насквозь.

Солнце жарило немилосердно. Воздух, который он вдыхал, казался горячим. В груди болело и давило, словно он совершил путешествие на Запад, пробежав сто восемь тысяч ли. Он так устал, что едва мог дышать.

Он всё-таки переоценил себя.

Всё, больше не могу. Пора бы и в обморок упасть.

Цзян Сяои видел, как с него градом катится пот, и очень волновался. Он как раз хотел помочь ему присесть у дороги отдохнуть, но не успел и рта раскрыть, как Бай Цзыму без предупреждения рухнул прямо на него. Цзян Сяои от неожиданности чуть не вскрикнул.

У подножия горы всё ещё толпились люди.

— Этот муж, которого взял гэ'эр Цзян, не такой уж и лентяй, как говорила семья Цянь! Даже на работу с Цзян Сяои пошёл.

— Точно. Раньше я не видела, но думала, раз семья Цянь живёт рядом с Цзянами, то они, должно быть, говорят правду. А кто бы мог подумать...

— Эй, это не гэ'эр Цзян?

— Ой, кажется, он. Он же только что на гору пошёл? Почему уже возвращается? А! Он, кажется, кого-то несёт.

Когда Цзян Сяои подошёл ближе, все поняли: он нёс не что-то, а своего маленького мужа.

Что же случилось?

Никто не понимал. Все переглядывались.

Увидев, что Цзян Сяои от усталости побледнел, фулан из семьи Ли, который раньше дрался с Цзян Сяои и чувствовал себя виноватым, тут же крикнул в поле своему мужу, чтобы тот помог донести.

Некоторые, беспокоясь, пошли следом. Только несколько тётушек остались на месте. Вскоре они увидели, как с горы спускается мужчина, и подошли спросить, знает ли он, что случилось с мужем гэ'эра Цзяна. Почему он вдруг упал в обморок?

С горы спускался мужчина. Услышав вопрос, он сказал:

— Ничего особенного, наверное, от усталости в обморок упал.

— А?

— Они даже до поля не дошли, работу и не начинали, а с мужа гэ'эра Цзян пот уже ручьём лил.

Мужчина слегка покачал головой.

— Я издали некоторое время наблюдал. Увидел, что лицо у того парня белое и чистое, сразу видно, не для работы он. Я так и понял, что он не выдержит.

Неожиданно он оказался прав.

Все на мгновение замолчали, не зная, что и сказать.

Ну, дошёл бы до поля, помахал бы мотыгой для вида, а потом упал — это ещё куда ни шло. А так...

Готовность пойти в поле — значит, не лентяй, но... это, кажется, ненамного лучше, чем быть лентяем.

Лентяй не хочет работать.

Слабак не может работать.

Одно и то же.

Право слово, непонятно, о чём думал гэ'эр Цзян.

Тётушка Линь хмыкнула. Только что она была на огороде, обрывала старые листья, и, услышав, что муж Цзяна вышел из дома, поспешила сюда. Увидев, как хорош собой Бай Цзыму, она почувствовала укол зависти, но теперь всё было иначе.

Она широко улыбалась, словно выиграла какое-то соревнование, и сказала нескольким женщинам рядом:

— Раньше я сватала гэ'эру Цзян мужчину из семьи Лу, и знаете что? Он и Цзян Ань выгнали меня. Ох, как я разозлилась! Да что он о себе возомнил? Даже от семьи Лу отказался. Я ещё думала, кого же он себе найдёт. А нашёл вот это вот. Тц-тц-тц, ещё пожалеет.

Все слышали, что отец и сын Цзян побили тётушку Линь. Раньше её спрашивали, но она, видимо, чувствуя себя виноватой, ничего не говорила. Теперь же, услышав это, все посмотрели на неё с осуждением.

— Ты сватала гэ'эру Цзян мужчину из семьи Лу? Что у тебя на уме было?

— Вот именно, семья Цзян тебе ничего плохого не сделала, верно? Все мы из одной деревни, а ты такое творишь. Неудивительно, что тебя выгнали.

— Побить — это ещё мягко. Будь я на их месте, я бы тебя при каждой встрече била, старая ты карга с чёрным сердцем.

Тётушке Линь это не понравилось, и она потеряла лицо. Раньше она боялась говорить, но теперь всё было иначе.

— Тьфу, что вы понимаете! Мужчина из семьи Лу, конечно, любит руки распускать, но что с того? Для другого это было бы неприемлемо, но у Цзян Сяои силы немерено. Я просто подумала, что мужчина из семьи Лу уже в возрасте, не такой сильный, как раньше. Если Цзян Сяои выйдет за него, и тот захочет его ударить, то, скорее всего, сам и получит. Вот я и решила их свести. А то с такими условиями, как у Цзян Сяои, кого он ещё мог найти? — она усмехнулась. — Мужчина из семьи Лу разве не лучше, чем этот? По крайней мере, работать может, и земли у него несколько му. А теперь нашёл этого хлюпика. Точно пожалеет. Вот попомните моё слово.

Все, выслушав это, подумали, что в её словах есть доля правды. Цзян Сяои действительно был сильным и выносливым. Раньше он помогал пахать землю, тащил плуг лучше быка. Если бы он подрался с мужчиной из семьи Лу, кто бы кого избил, ещё неизвестно.

— Хм, хорошо говоришь, — холодно хмыкнул кто-то. — Думаешь, мы не знаем, какая ты? Если всё так хорошо, почему бы тебе свою толстушку не сосватать?

У тётушки Линь была дочь, восемнадцати лет, полненькая, ещё не замужем.

Та женщина продолжила:

— Твоя толстушка не особо работает, силы у неё, конечно, не как у гэ'эра Цзян, но это неважно! Мужчина из семьи Лу худой и маленький, если он посмеет её ударить, твоя толстушка одним махом на него навалится, и семья Лу сможет поминки устраивать. Так что, выдав её замуж, ты можешь не бояться, что её будут бить.

— Кстати, Линь, я вот что тебе скажу. Ты говоришь, такое хорошее дело, почему же ты о своей дочери не подумала? Ты ей вообще родная мать?

На мгновение воцарилась тишина, а потом кто-то прыснул со смеху.

Тётушка Линь онемела, её лицо залилось краской. Кто-то из толпы добавил:

— Думаете, она такая добрая? Наверняка от семьи Лу подарок получила.

— Да пошла ты к чёрту! — громко выругалась тётушка Линь.

Ссора разгорелась с новой силой.

Некоторые считали, что тётушка Линь поступила нехорошо.

Другие думали, что хоть мужчина из семьи Лу и драчун, но тётушка Линь в чём-то права. Ему уже за сорок, силы не те, что раньше. Как бы то ни было, у него есть дом и земля, хоть он и хромой, но работать в поле ещё может. В любом случае, у него почти десять му земли, так что с голоду не умрёшь. Как ни крути, это лучше, чем нынешний вариант.

Гэ'эр Цзян, в конце концов, ещё молод и неопытен. Наверное, увидел красивое лицо и обо всём остальном забыл. Вот намучается, когда дома не будет зерна, а в кувшине — масла, когда придётся голодать, тогда и пожалеет.

Когда Цзян Сяои и мужчина из семьи Ли по очереди донесли Бай Цзыму до дома, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань играли во дворе. Увидев, что Бай Цзыму несут на спине, их лица тут же побледнели.

В прошлом году дедушка из соседней семьи Цянь тоже пошёл работать в поле, а потом его принесли на спине. Через несколько дней его отнесли на гору и похоронили. С тех пор Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань его больше не видели. Дедушка Цянь был хорошим человеком, часто жарил им соевые бобы и любил гладить их по головам.

Когда он пропал, они спросили Цзян Сяои, почему дедушка ушёл в горы и не возвращается. Цзян Сяои тогда сказал, что дедушка Цянь умер, его похоронили, и он больше не вернётся.

И вот теперь, увидев, что Бай Цзыму тоже принесли на спине, глаза Цзян Сяосаня наполнились слезами. Он поспешил за Цзян Сяои. Когда Бай Цзыму положили на кровать, его лицо было бледным. Слезы хлынули из глаз Цзян Сяосаня, он бросился на грудь Бай Цзыму, обливаясь слезами и соплями.

— Старший брат, что с гэфу? Гэфу умер? А-а-а... гэфу, гэфу мой...

Бай Цзыму: «...»

«Чего этот сопляк так воет? Если госпожа Цянь из соседнего дома услышит, по всей деревне пойдёт слух, что я уже помер».

Цзян Сяои и так был встревожен, а услышав его причитания, устало сказал:

— Не плачь, с твоим гэфу всё в порядке. Иди, принеси ему воды.

Цзян Сяосань не верил, он вцепился в руку Бай Цзыму и не хотел уходить. Дядя Ли улыбнулся, удивлённый, что за несколько дней этот гэфу так полюбился Цзян Сяосаню.

— С твоим гэфу правда всё в порядке, он просто от усталости в обморок упал. Будь умницей, принеси ему воды, он выпьет и поправится.

Цзян Сяосань, сопливо шмыгая носом, спросил:

— Правда?

— Дядя тебя не обманывает.

— Тогда Сяосань пойдёт принесёт гэфу воды, — и он побежал на кухню.

Цзян Сяои поблагодарил его. Мужчина из семьи Ли отмахнулся, сказав, что это пустяки.

— Твой дядя тогда ударил тебя, ты не держи на него зла. Он просто вспыльчивый, в гневе себя не контролирует, но человек он неплохой. Когда он вернулся, то очень корил себя.

Цзян Сяои всё понимал. Фулан Ли действительно был не злым.

— Я знаю, я не обижаюсь на дядю.

— Я так и знал, что ты всё понимаешь, — сказал мужчина из семьи Ли, видя его обеспокоенный вид, и утешил: — С твоим мужем всё будет хорошо, очнётся — и всё пройдёт. Я пойду, а если что-то понадобится, зови.

— Угу! Спасибо, дядя.

Едва мужчина из семьи Ли вышел за дверь, как Бай Цзыму тут же очнулся.

Цзян Сяои как раз собирался пойти за врачом, но, увидев, что тот сел на кровати, на мгновение замер.

— Гэфу? — Цзян Сяоэр вытер слёзы, испуганно глядя на Бай Цзыму влажными глазами.

— Он ушёл? — спросил Бай Цзыму, сажая его на кровать и выглядывая наружу.

Цзян Сяои кивнул.

Бай Цзыму вздохнул с облегчением, чувствуя, что сегодня он опозорился на всю жизнь. Он думал, что немного восстановился, но оказалось, что от такой прогулки он даже упал в обморок.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань были напуганы. Бай Цзыму долго их утешал, дал каждому по леденцу, и только тогда двое малышей снова заулыбались.

— Гэфу, эта конфетка красная, такая красивая! — радостно сказал Цзян Сяосань, глядя на леденец в руке.

Бай Цзыму стукнул его по голове.

— Ты посмотри внимательно, какой это цвет. Это же розовый. Красная у тебя задница.

Цзян Сяосань, получив щелбан, не обиделся и даже захихикал.

Цзян Сяоэр, облизывая леденец, прищурился.

— Эта конфетка такая вкусная, с фруктовым вкусом. Старший брат, попробуй, правда?

Цзян Сяои тоже дали леденец, но он его не ел, молча сидел в стороне, ничего не говоря. Когда двое малышей ушли, Бай Цзыму ткнул его в руку.

— Что случилось? Вид у тебя такой, будто мужа похоронил.

Цзян Сяои ударил его кулаком.

— Не говори глупостей! — он впервые разозлился на Бай Цзыму. — Я же говорил тебе отдыхать, не ходить, не ходить, а ты всё равно пошёл. Если бы с тобой что-то случилось, я бы не знал, что делать.

В последние дни он знал, что Бай Цзыму слаб, и хотел оставить его дома, чтобы ухаживать, но Бай Цзыму не позволил. Увидев, что тот даже приготовил еду, Цзян Сяои, боясь, что он навредит себе, сказал, что приготовит сам, когда вернётся, а ему нужно лежать в кровати. Но Бай Цзыму не послушал.

Когда Бай Цзыму был ещё медвежонком, он был очень ленив и не любил двигаться. Теперь же, став таким усердным, Цзян Сяои понимал, что тот просто хочет помочь ему, чтобы он не так уставал. При этой мысли его гнев тут же улетучился, оставив лишь чувство горечи.

Когда Бай Цзыму внезапно упал в обморок, ему показалось, будто кто-то схватил его за горло, и он чуть не задохнулся. По дороге домой его сердце колотилось, а ноги подкашивались.

Он вытер слёзы, его нос покраснел.

— Где-нибудь ещё болит? Может, пойти за врачом?

Бай Цзыму молча смотрел на него, затем внезапно обхватил его голову и крепко поцеловал в губы. Желание обнять его, прижать к себе так сильно, чтобы никогда не отпускать, нахлынуло с непреодолимой силой. Он не мог забыть испуганное, паническое выражение лица Цзян Сяои, когда он упал. Словно небеса рухнули.

Его поцелуй был нежным, успокаивающим. Они оба не знали, что сплетение языков, смешение дыхания могут вызывать такое непреодолимое удовольствие и волнение.

Цзян Сяои от поцелуя совершенно потерял голову и не понимал, где находится.

— Прости, — прошептал Бай Цзыму, уткнувшись лицом в шею Цзян Сяои и тяжело дыша. — В следующий раз я буду слушать тебя. Не плачь, хорошо? Когда ты такой, мне становится страшно.

Губы Цзян Сяои были красными и слегка приоткрыты. Он снова легонько ударил Бай Цзыму.

— Зачем ты укусил меня за язык? — он резко встал. — Я пойду куплю тебе мяса. Отдыхай, и до моего возвращения с кровати не вставать.

Бай Цзыму вздохнул с облегчением.

Действительно, нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить поцелуем.

Этого гэ'эра оказалось довольно легко успокоить.

Цзян Сяои поспешил в город и купил цзинь мяса. Вечером он не позволил Бай Цзыму готовить, настаивая на том, чтобы сделать всё самому.

Жители деревни редко ели жирную пищу и очень любили сало. Цзян Сяои нарезал его большими кусками, каждый размером с кулак, и потушил с капустой. Едва блюдо появилось на столе, Цзян Сяои тут же положил ему кусок. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань тоже хотели мяса, но, взяв куски, не положили их в свои миски, а, перегнувшись через стол, с усилием положили их в миску Бай Цзыму.

— Гэфу, ешь, мясо вкусное.

Бай Цзыму посмотрел на три огромных куска жирной свинины в своей миске и не знал, как к ним подступиться. Он боялся, что если съест это, то проведёт всю ночь в уборной.

Отец Цзян, вернувшись с гор, уже слышал, что он упал в обморок. Увидев, что он не притрагивается к еде, подумал, что тот стесняется, и сам положил ему ещё кусок.

— Ешь побольше, не стесняйся. Тебе нужно восстанавливать силы.

Бай Цзыму: «...»

«Я что, стесняюсь?»

В итоге, под пристальным взглядом Цзян Сяои, Бай Цзыму съел целых восемь лянов. Оставшиеся два куска съели Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань. Цзян Сяои и его отец не съели ни кусочка.

Вспомнив, как Цзян Сяои, вернувшись с мясом, был весь в поту, с промокшей на спине рубашкой, Бай Цзыму подумал, что даже если бы Цзян Сяои сейчас сказал: «Далась, пора есть мясо», он бы всё равно съел. Съев четыре куска, его чуть не стошнило.

Слишком жирно.

Он посмотрел на двух малышек, которые держали в руках по куску жирного мяса и с аппетитом ели, совершенно не чувствуя жирности.

Бай Цзыму мгновенно проникся уважением к своим двум маленьким шуринам.

Бай Цзыму пролежал в кровати ещё один день. Цзян Сяои теперь даже не давал ему готовить. Боясь, что тот, оставшись один, пока он будет в горах, опять ослушается, он попросил Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня присматривать за ним.

Вечером, вернувшись, Цзян Сяои сварил кашу и сорвал на огороде пару кочанов капусты.

— Сяои.

По дороге домой он встретил своего второго двоюродного брата.

— Второй брат, ты откуда?

Лицо второго двоюродного брата было немного расстроенным.

— Ниоткуда.

Второй двоюродный брат, Цзян Дашу, был немногословен. Он был похож на свою мать, жену второго дяди, с довольно красивым и даже изящным лицом. Цзян Сяои, увидев его выражение, сразу всё понял.

«Похоже, сбежал из дома».

— Вторая тётушка опять тебе невесту ищет?

— Угу, — Цзян Дашу с досадой пнул камень у дороги.

— И какую же девушку вторая тётушка на этот раз присмотрела? — с любопытством спросил Цзян Сяои.

Цзян Дашу был всего на два с половиной года младше Цзян Даню, ему уже было за двадцать, но он всё ещё был холостяком, и вторая тётушка, естественно, беспокоилась.

Однако несколько девушек, которых раньше сватала сваха, отказали, сославшись на бедность их семьи. В этом году они немного подзаработали, и вторая тётушка сегодня снова пошла к свахе У, чтобы та помогла подыскать невесту.

Сваха У, увидев, что та принесла яйца, радушно проболтала с ней весь день, сказав, что как раз знает несколько девушек из соседней деревни на выданье...

Вернувшись, вторая тётушка потащила Цзян Дашу и начала пересказывать, спрашивая его мнение.

Цзян Дашу уныло ответил, что ему всё равно, он пока не хочет жениться. Вторая тётушка не выдержала и отругала его, спрашивая, почему он не хочет жениться, не собирается ли он взлететь на небо. Цзян Дашу стало так досадно, что он выбежал из дома.

— Скажи, на что мне жениться?

Цзян Дашу был почти ровесником Цзян Сяои, в детстве они часто вместе ходили косить траву для свиней. Хоть они и выросли и у каждого были свои дела, так что времени на разговоры почти не было, но их революционная дружба была очень крепкой. Некоторые вещи он не мог сказать другим, но от Цзян Сяои у него не было секретов.

— Что у нас в семье творится, я и так знаю. За эти годы мы с трудом накопили несколько лянов серебра. Когда старший брат женился, ушла большая часть, теперь почти ничего не осталось. Если всё потратить на мою женитьбу, как семья будет жить?

Вся семья много лет трудилась, экономя на всём, и накопила всего несколько лянов серебра.

Дома постоянно ели жидкую кашу с дикими овощами. Младшие братья и сёстры целыми днями работали, но всё равно оставались худыми и бледными. Если все сэкономленные деньги потратить на него, сможет ли он спокойно жить, не чувствуя вины?

Цзян Дашу знал, что его семье нелегко, поэтому за эти годы, даже когда дома несколько раз кончалась еда, он никогда не ходил занимать у старшей ветви.

— У нас всего четыре му заливных полей и восемь му суходольных. Честно говоря, после уплаты налогов почти ничего не остаётся, — сказал Цзян Дашу. — Я знаю, мама желает мне добра, боится, что чем дольше я буду тянуть, тем труднее будет найти невесту. Но скажи, вот женюсь я, на что её содержать? А если дети появятся, на что их растить?

У прадеда Цзяна было почти восемь му заливных полей и шестнадцать му суходольных, что считалось достатком. Но потом у него родилось два сына, и землю разделили пополам. У каждой семьи стало меньше.

Отец Цзян, чтобы лечить Цзян Сяозера, был вынужден понемногу продавать землю.

Старшая ветвь землю не продавала, но у двоюродного деда было два сына, а у старшего и второго дяди — по несколько детей. Этой земли, как ни сажай, на всех не хватало. Вся семья жила, затянув пояса. Если появится ещё один рот, это будет как снег на голову.

Но не жениться тоже нельзя.

Два двоюродных брата разговаривали у двери. Бай Цзыму, находясь на кухне, всё слышал.

— Мама раньше тоже просила тётушку У подыскать мне несколько девушек, но все они меня отвергли, — с грустью сказал Цзян Дашу. После стольких отказов ему было немного не по себе, и он даже начал испытывать неприязнь к этой теме.

Цзян Сяои на мгновение не знал, что сказать. Вторая тётушка торопилась не зря, и Цзян Дашу тоже был прав. Бай Цзыму, слушая их разговор, нахмурился.

Когда он ещё работал курьером в городе А, один его приятель постоянно жаловался, что дома его заставляют жениться. У этого приятеля была девушка, они жили вместе почти три года, но так и не расписались. Приятель не то чтобы хотел обманывать её.

Он часто жаловался, и Бай Цзыму тогда недоумевал. Он говорил:

— Раз вы живёте вместе, какая разница, женаты вы или нет? Почему бы просто не пожениться, и тогда дома перестанут давить.

— Думаешь, я не хочу? Я больше всех хочу дать ей гарантию, хочу узаконить наши отношения. Но как только мы распишемся, дома тут же начнут торопить с детьми.

Тот приятель продолжал:

— У моего старшего брата так и было. Сразу после свадьбы они были заняты, не хотели детей. Но мои родители так настаивали, говорили, что они ещё молоды, если сейчас родят, они смогут помочь с внуками несколько лет. А когда они состарятся и не смогут работать, кто будет за внуками смотреть? Они звонили брату по три раза на дню. У моего брата дела получше, он госслужащий, работа стабильная, кроме ипотеки и кредита на машину, никаких забот. А у меня всё по-другому.

Родители всегда говорят: родится ребёнок — это всего лишь лишняя пара палочек за столом. Говорят, что раньше они жили на несколько десятков юаней в месяц, родили нескольких детей, и никто не умер с голоду, все выросли здоровыми. А теперь вы, молодые, зарабатываете по несколько тысяч в месяц, и что, одного ребёнка не можете прокормить?

Но времена изменились. Раньше рожали, не имея денег, а кто сейчас на это решится?

Большинство молодых людей не знают, что их ждёт в будущем, не знают, как прожить завтрашний день. Как они могут взвалить на себя такую тяжёлую ношу, глядя в лицо неопределённости?

Раньше, если не было денег, растили как придётся; если были — баловали. Главное, чтобы ребёнок вырос. А теперь говорят о качественном воспитании, о качестве, а не о количестве. И у разных слоёв общества разная ответственность. Если ребёнок родится, его нужно не только материально обеспечить, но и вложить в его развитие и духовное воспитание, а это тоже огромные расходы.

Без денег не то что жениться страшно, но и о детях думать не приходится.

Цзян Сяосань подбежал и тихонько потянул Бай Цзыму за штанину.

— Гэфу, Сяосань проголодался, и второй брат тоже. Мы хотим кушать.

Бай Цзыму посмотрел на его лицо, затем на Цзян Сяоэра, который смотрел на него неподалёку.

Честно говоря, эти два ребёнка выглядели как беженцы из Африки: худенькие, маленькие, с иссохшими ручонками, обтянутыми кожей.

По правде говоря, ему очень нравились Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань. Эти двое малышей были очень послушными и тихими, редко капризничали. Дети в других семьях иногда требовали сладостей или мяса, но за всё время, что Бай Цзыму жил в доме Цзян, он ни разу не видел, чтобы Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань капризничали.

Что Цзян Сяои готовил, то они и ели. В прошлый раз, когда Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань повели его к дому Хуан посмотреть на шаманский танец, на обратном пути они проходили мимо дома

мясника Чжана. Мясник Чжан как раз разделывал во дворе свинью.

Наверное, на кухне было тесно, и неудобно носить воду, поэтому мясник Чжан установил плиту прямо во дворе. В тот момент он нарезал свинину. Чжан Дабао попросил его отрезать маленький кусочек, чтобы пожарить.

Получив мясо, Чжан Дабао тут же начал жарить его во дворе. Наверное, у него был какой-то талант, потому что мясо получилось золотистым и ароматным.

Маленькие дети неразумны. Увидев еду, они либо не могут сдвинуться с места, либо начинают канючить.

В тот момент Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, увидев это, постоянно сглатывали слюну. Было видно, что они тоже хотят есть. Они смотрели, не отрываясь. Мясник Чжан, наверное, испугался, что они придут к нему домой просить мяса, и вышел, чтобы прогнать их, а потом закрыл ворота.

Вернувшись домой, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань не капризничали.

Он был с Цзян Сяои не просто из-за минутного влечения и желания. Он не мог позволить Цзян Сяои в одиночку биться за эту семью, ломать голову, как заработать лишний вэнь. Раз уж он стал приходящим зятем, то должен помогать этой семье.

Любовь — это ответственность.

Родственная привязанность — это тоже ответственность.

Эта семья так бедна. Рис, который он принёс, скоро закончится. Вещей в его пространственной сумке не так уж и много. К тому же, нельзя же целой семье жить только за счёт этого!

Если полагаться только на то, что Цзян Сяои и его отец заработают рубкой дров, то не только Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань останутся похожими на скелеты, но и он сам скоро начнёт голодать.

Так дальше продолжаться не может!

Цзян Сяои и его два маленьких шурина, кажется, очень любят мясо...

Цзинь мяса стоит почти двадцать вэней.

В семье пять человек, если есть мясо каждый день, одного цзиня точно не хватит. Но если не

есть каждый день, то Цзян Сяои и его шурины так его любят... А если у них с Цзян Сяои родится ребёнок...

Это было ужасно.

Просто невообразимо.

Чем больше Бай Цзыму думал об этом, тем больше его охватывала паника, тем страшнее ему становилось. Холодный пот выступил на лбу.

Нет, нет, так не пойдёт.

Нужно найти работу, иначе не только фулана не прокормишь, но и два маленьких шурина будут выть от голода.

— Гэфу, что с тобой? Почему у тебя так сильно дрожат ноги? — с беспокойством спросил Цзян Сяосань.

Бай Цзыму поднял его на руки.

— Сяосань, ты любишь гэфу?

Цзян Сяосань обнял его за шею и нежно пролепетал:

— Люблю, Сяосань очень-очень любит гэфу.

Цзян Сяоэр подбежал и обнял ногу Бай Цзыму.

— Гэфу, гэфу, Сяоэр тоже тебя любит.

Бай Цзыму был доволен.

Раз уж эти два маленьких шурина такие милые, он может и поменьше спать.

<http://bllate.org/book/13701/1590284>